

Цена 20 коп.  
Индекс 72996



БИБЛИОТЕКА  
КРОКОДИЛА

22  
(843)

ЭДУАРД ПОЛЯНСКИЙ



УХО  на фотографии



Свои биографические данные автор уже обнародовал в предыдущих книжках, вышедших в «Библиотеке Крокодила». В первой книжке «Хочу все знать» (1970 г.) он вспомнил, что родился в дождливый день. Во второй — «Экзотическая корова» (1973 г.) он изложил свой трудовой путь. В третьей — «Традиционный кулак» (1976 г.) автор сообщил о рождении дочери Анны.

Заглянув в конец этой книжки, читатель узнает, что вышеназванная дочь автора уже заметно подросла и даже занимается стеной росписью.

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 22

ЭДУАРД ПОЛЯНСКИЙ

**УХО  
НА  
ФОТОГРАФИИ**

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»  
1979



## КОГДА ОТЦВЕТАЮТ РОЗЫ

Преподаватель-совместитель с почасовой оплатой Юрий Андреевич К. набрасывал на листочке бумаги некоторые моменты будущей лекции для учащихся техникума. «Основные направления технического прогресса в сельской стройиндустрии это: софа-кровать — 180 руб., стулья (2 штуки) — 24 руб. 20 коп., табуретки (2 штуки) — 7 руб.», — начертал он. Пробежав глазами начертанное, Юрий Андреевич лишний раз убедился, что технический прогресс из его сознания вытеснен житейскими проблемами. И пока в голове у него эти проблемы, сельская стройиндустрия не сможет захватить его полностью.

Юрий Андреевич перевернул листок и решительно озаглавил его: «ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ. ПРОШУ УВАЖАЕМЫЙ СУД ВЕРНУТЬ МНЕ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ВОРОВСКИ ВЫВЕЗЛА МОЯ БЫВШАЯ ЖЕНА, ОСТАВИВ ВЗАМЕН ПИСЬМО ХУЛИГАНСКОГО СОДЕРЖАНИЯ». Далее следовала опись вещей из 13 пунктов. Итого, подвел черту Юрий Андреевич, на 1548 руб. 20 коп.

На судебном заседании, куда вызвали его бывшую жену и свидетелей, Юрий Андреевич выказал преподавательскую жилку.

«Основное направление прогресса общества — это рост благосостояния населения, — теоретизировал он. — В свете этого прошу удовлетворить мой иск по следующим позициям, перечисленным в описи: позиция № 3 — телевизор, позиция № 4 — софа-кровать, позиция № 5 — шкаф полированный, позиция № 7 — велосипед. По остальным позициям взыскать с ответчицы половину стоимости вещей. С нее же взыскать стоимость судебной госпошлины за раздел имущества».

Суд не позволил Юрию Андреевичу превратить свое выступление в лекцию и вовремя посадил его на место. Тем более что неллишним было послушать свидетелей. Свидетели же показали, что все имущество, «воровски вывезенное» ответчицей Александрой Сергеевной М., принадлежало ей еще до бракосочетания. Соединив свою судьбу с Юрием Андреевичем, она перебазировалась на его жилплощадь со своей мебелью.

Было это год назад. Он тогда называл ее Санек и по воскресеньям катал на багажнике позиции № 7. А вечером они сидели

перед голубым огоньком позиции № 3, пили чай, дружно хрустя карамелью «Клубника со сливками», и Александра Сергеевна спрашивала у Юрия Андреевича: «А не достать ли с антресолей варенье из райских яблочек?» На что Юрий Андреевич отвечал: «А почему бы и не достать?»

Они распечатывали банку, удаляли слой плесени, и Юрий Андреевич тонко замечал: «А ведь ценная, может быть, Санек, плесень. Лечебная, не исключено. Жалко выбрасывать».

Откуда было знать Александре Сергеевне, что это не мимо-летное замечание, а целое мировоззрение? Пройдет время, Юрий Андреевич доест райские яблочки и в предчувствии семейного кораблекрушения тайно от жены снесет пустые банки на прием-ный пункт. А потом развернет нешуточную борьбу за весь до-машний скрб вплоть до поломанных табуреток.

А теперь перейдем к другой паре, которая до размежевания записывала свое милое воркование на магнитофонную ленту.

«Казик, достань из холодильника парные котлеты и молоко,— щелкнув кнопкой магнитофона, слышал Казик заботливый голос.— Молоко пей маленькими глотками, береги гланды. Крепко целую. Вечно твоя Фло».

Казик оставлял не менее трогательную запись:

«Фло, дорогая! Сегодня тридцать седьмой день со дня наше-го бракосочетания. В честь этого знаменательного события дарю тебе розы. Они в маленькой комнате на трюмо. Обнимаю. Вечно твой Казик».

И вот бывшие супруги, еще недавно ворковавшие, как голуб-ки, довольно синхронно раскрывают в суде свое малосимпатич-ное нутро. Хотя каждому из них кажется, что он чем-то выгодно отличается от своей уже не дражайшей половины.

«Мы разные люди, с разными взглядами на семью, на жизнь»,— утверждает в исковом заявлении переводчица с фран-цузского Флора Петровна Р. Тем самым она хочет подчеркнуть, что инженер-конструктор Казимир Львович Щ., с которым она около года состояла в законном браке, чужд ей духовно и взи-рает на жизнь со своей собственной колокольни.

Ну что же, поймем взгляды Флоры Петровны и Казимира Львовича, куда они направлены и что излучают.

Направлены они на:

1. Рюмки хрустальные, ладьи, вазу.
2. Магнитофон.
3. Трюмо старинное в резной раме.
4. Утюг, мясорубку.
5. Пуфик.
6. БСЭ.

Излучают их взгляды любовь, страсть, томление. Любовь к рюмкам, страсть к трюмо в резной раме, томление от пугаю-щей неизвестности, кому достанется пуфик.

И взгляды одни и поведение, как увидим ниже, вполне иден-тичное.

Флора подала исковое заявление, и Казик не отстал, подал встречный иск. Фло относительно имущества высказалась: «Мое!» — и Казик не растерялся, употребил аналогичное слово.

Фло: «Все приобретено на деньги, которые я получила, выйдя из ЖСК».

Казик: «Приобретено на мои кровные, полученные за рац-предложения».

Фло: «Он упер мою шубу!»

Казик: «Она уперла мою ондатровую шапку и отрез на костюме».

«Настаиваю на выделении мне энциклопедия и хрустальной вазы для цветов, а жене — утюга»,— обратился к судье Казик. Фло на утюге не настаивала, но без БСЭ она не мыслила даль-нейшего существования.

Как видим, жизненное кредо у данной пары одной заправки. Хотя, по мнению автора, Казик все же более настойчив. Казик добивается переоценки пуфика, стоимость которого занижена на 4 рубля. Он подает кассационную жалобу в горсуд, требуя вклю-чить в список вещей, подлежащих разделу, еще один предмет — чемодан, который районные судьи, проявив равнодушие к судьбе человека, безответственно исключили из списка.

Да, отцвели розы, иные картинки быта отражают трюмо в рез-ной раме, иной текст хранит магнитофон. Казик включает запись во время судебного разбирательства, звучат истошные вопли, секретарь от неожиданности роняет ручку, народный заседатель инстинктивно загораживается рукой на случай кастрюлеметания.

— Все слышали? — торжествует Казик.— Она признала, что пуфик куплен на мою прогрессивку.

Если от любви до ненависти один шаг, то от любви до крохо-борства, увы, расстояние еще меньше.

## УТИНАЯ ПОЖКА И ХРУСТАЛЬНЫЙ БОКАЛ

Некоторые граждане (в основном пьющие) говорят, что спиртные напитки в малых дозах только полезны. Они поднимают настроение, придают уверенность в себе. Возможно, это и так, да только не все пьющие умеют вовремя остановиться.

Вот, скажем, машинист котельной Виктор Пяткин и водитель автопогрузчика Юрий Загибайло приняли малую дозу портвейна. Тихо, культурно, без нежелательных эксцессов. Причем в общении, где они занимали комнату на двоих, не мозоля глаза обществу.

Выпили, значит, и сидят друг перед другом. Не знают, много это или мало — по полтора литра на брата. Один думает, что много, а другой, что не очень. А уже двадцать два часа натикало.

К счастью, у ближайшего продмага, куда раздумья и привели друзья, разгружали машину. Один из грузчиков спускал лотки с утками в открытый люк подвала, другой принимал их внизу.

Грузчики — это, что ни говори, а зацепка.

— Только крикв мороженных привезали? — заглянул в кузов Пяткин. — А чего-нибудь для души не найдется?

— Для души с одиннадцати до семи, — отрезал грузчик. — Завтра и приходите.

— А ну брось этих водоплавающих! — набылчился Пяткин и попытался вырвать из рук несговорчивого грузчика лоток с утками.

Вывернуть не удалось: грузчик защищал государственное имущество в лице уток, — и это придавало ему силы. В конце концов утки, смерзшиеся в один кусок, упали на асфальт. А вместо уток по наклонному желобу в подвал скатились Пяткин и грузчик. Второй грузчик, стоявший внизу, поджидал мороженных уток малой упитанности по рубль тридцать за килограмм, а вместо них к его ногам упал вполне упитанный Пяткин. Хоть и пьяный, но все же не до такой степени, чтобы его можно было принять за мороженую утку.

Если Пяткин в тот момент и напоминал утку, так живую. Потому что, увидев, что силы неравны, он буквально выпорхнул из подвала.

А выпорхнув, он подобрал уточный моноклит (около двадцати штук) и при содействии Загибайло благополучно доставил его в общежитие.

Часть уток они раздали соседям. Те по простоте душевной не догадались, что утки краденые. Они подумали, что Пяткин и Загибайло вернулись с охоты. Остальных уток друзья съели сами.

Все-таки портвейн коварен, ибо оказывает побочное действие. Во-первых, теряешь над собой контроль. Во-вторых, память отшибает. В-третьих, тобой начинает интересоваться милиция. Которая, кстати, как вы догадываетесь, вскоре и доставила похитителей уток в отделение. Вместе с вещественным доказательством — недоеденной утиной ножкой.

Может быть, безопаснее сорокаградусная?

Обратимся к жизненному опыту граждан Ануфрия Новарского и Эрнеста Холодуева. В тот весенний день на них напала меланхолия, и они распили бутылочку около морга.

Следующее распитие — в такси, около кафе «Анютины глазки». Стол сервировал повар — приятель Ануфрия Новарского. Вместе с водкой он вынес и закуску, которая несколько смазала картину. Теперь мы не можем с уверенностью сказать, что именно под воздействием водки Ануфрий и Эрнест оказались в чужой квартире. Причем без приглашения и в отсутствие хозяев. А вдруг они вышли к двери чужой квартиры под впечатлением съеденных котлет по-полтавски? В столовых тоже, знаете ли, бывают блюда, отдавая которые хочется совершать неправомерные действия.

И вот неожиданный поворот: граждане, о которых час назад мы могли сказать почти романтически — любители Бахуса, ограбили квартиру. С тремя коврами в руках и с чемоданом, в котором мелодично позвякивал хрусталь, они вышли из подъезда.

— Теща подарила, — объяснил Ануфрий водителю такси, зафрахтованного еще с утра. — У нее хобби такое — делать подарки. Рули на вокзал.

Они подъехали к железнодорожным путям. Дождавшись своего часа, там стояли пустые поезда. Проводники минут за пятнадцать расхватали почти все ворованные вещи. По простоте душевной они не сообразили, что покупают краденое. Они приняли Ануфрия и Эрнеста за продавцов ГУМа.

Для дальнейших употреблений наши герои оставили себе хрустальный бокал. И за каких-нибудь пять часов опустошили 4 (четыре) бутылки. И все на природе, у плакучих ив и хладнокровных сосен.

Природа и хрусталь настроили грабителей на лирический лад. Заехали за девушкой Катей и за девушкой Любой. Купили ящик вина (для девушек), 6 (шесть) бутылок водки и уже через пол-



часа откупоривали их на даче, принадлежащей родителям Холодцева.

Милиция быстро напала на их след. И читатель уже может подсчитывать: итого — по шесть бутылок на брата! Вино не в счет: с ним девушки Катя и Люба управились самостоятельно.

Вывод: конечно, грушевый напиток или, скажем, нарзан, безопаснее. Да разве выпьешь его столько, сколько водки или вина? Пусть даже из хрустального бокала.

И подумать-то противно!

## УХО НА ФОТОГРАФИИ

Альберт К. не знал, откуда берутся дети. Годок ему минул уже двадцать пятый, а никто не удосужился просветить его на этот счет — ни папа, ни мама, ни школа, ни тем более технический вуз. А надо сказать, что Альберт уже встречался с одной юной особой и даже кое-какое время вел с ней общее хозяйство. Ведение общего хозяйства означало следующее: совместное приготовление фарша для котлет, питание за одним столом, общие холодильник, телевизор, уют и другие электробытовые приборы.

И вдруг его подруга приносит ему младенца. Узнав, что дитя приобретено не через торговую сеть и к тому же появилось на свет не без его участия, Альберт страшно изумился:

— Как? Разве их не в «Тысяче мелочей» покупают?

Так совершенно неожиданно для себя Альберт К. стал папашей. Но вместо того, чтобы бежать за цветами, он начал ругать свою подругу — зачем, дескать, она его не проинформировала, что дети заводятся в результате совместного ведения хозяйства. Это же смехотворное оправдание он изложил в стенах суда, где слушалось дело об установлении отцовства.

— Но ребенок-то появился, — сказал судья. — И он не виноват, что его папаша такой неграмотный. Объективно вы отец и по закону обязаны платить алименты на содержание сына.

В тонкостях гражданского права Альберт К. действительно не разбирался. Иначе придумал бы что-нибудь посерьезнее. И не признавал бы себя отцом. Как делают это другие.

Василий З., например, представил суду документ с места работы, заверенный по всей форме. В нем говорилось, что налад-



чик станков Василий З. с первого июля по второе августа был командирован в город Славинск, где и находился в означенный период времени безвыездно. А согласно медицинским расчетам именно в середине июля Василий З. должен был присутствовать в Москве, чтобы впоследствии стать отцом младенца.

Вот это деловой разговор! Судья вынуждена прервать заседание до уточнения некоторых деталей. Но прежде чем сделать это, она задает Василию З. вопрос:

— В какой гостинице города Славинска вы останавливались, в каком номере и на каком этаже?

— Гостиница называется не то «Северная», не то «Южная», — отвечает Василий З. — Номер двадцатый, этаж третий.

В город Славинск уходит запрос. Славинск откликается: «Для сведения сообщаем, что гостиница в городе еще не построена. Имеется Дом колхозника (номеров пятнадцать, этажей один). В текущем году Василий З. здесь не проживал».

Судья звонит инспектору отдела кадров, подпись которой значится на справке, представленной суду Василием З.

И в ответ на свои закономерные вопросы слышит всхлипывания. Инспектор признается, что справка ложная, а выдала она ее Василию З. по его просьбе и просит не судить ее строго, так как она ждет от Василия З. ребенка. И хотя Василий в последнее время избегает встреч с нею, она не собирается, как некоторые, подавать на алименты.

— Ваша взяла, мой ребенок, — делает признание Василий З. на заключительном заседании суда. — И у кадровички будет мой. И, между прочим, нормальный мужчина и в расцвете творческих и иных сил. Но каждый раз мои чувства остывают. Вы хоть слыхали что-нибудь про любовь?

Любовь — дело тонкое. У каждого складываются свои взаимоотношения — у кого более счастливые, у кого менее. Но уж если в результате ваших усиленных поисков появляется на свет ребенок, а вы при этом делаете удивленные глаза, то, извините за маловзвешенное сравнение, налицо ваше сходство с ветренным котом. Ему чужды угрызения совести, он лишен отцовского любопытства и, главное, чувства ответственности за судьбу своих отпрысков.

Евгений М., скажем, отрицал не только свое отцовство, но и факт знакомства с матерью младенца.

Истица представила суду письмо, в котором Евгений М. признавался ей в любви, открытку из пошивочного ателье и любительскую фотографию. Но письмо было напечатано на машинке и его стихотворный текст скорее принадлежал Александру П.,

нежели Евгению М.: «Ужель та самая Татьяна (имя истицы. — Э. П.), которой он наедине...» И так далее — смотри Александра Пушкина.

В открытке, присланной по адресу истицы, содержалось приглашение Евгения М. на примерку пиджака. Но его фамилия была искажена.

Фотография запечатлела истицу и слева от нее ухо неизвестного происхождения. Истица уверяла, что ухо принадлежит Евгению М., но суд мог принять во внимание только все лицо.

И вот, когда разбирательство зашло в тупик, в зал заседаний внесли младенца. Он как две капли был похож на Евгения М.

Для отца это была первая встреча с сыном. Увидев в нем свое повторение, Евгений разволновался.

— Санька! — сказал он дрогнувшим голосом.

— К сожалению, внешнее сходство еще не доказательство, — сказала судья, и в глазах ее забегали хитрые огоньки.

Тут Евгения М. прорвало.

— Мое ухо на фотографии! — закричал он. — И письмо мое, а не Пушкина. И открытка адресована мне.

Он снял с себя пиджак и положил его перед судьями.

— Прошу приобщить к делу — спит в ателье, по открытке. Фактически я муж данной гражданки и законный отец данного Саньки. Прошу занести в протокол.

Да, среди отцов, отродно заметить, бывают случаи неожиданного прозрения, душевного всплеска. Что позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее.

## РАЗВЕНЧАНИЕ

Можно только гадать, кто автор указания «Дают — бери, бьют — беги!». Древнее оно, в иной социальной среде рожденное. Пустить по свету это руководство для вступающих в жизнь юнцов мог в порядке наставничества какой-нибудь купец П. гильдии, мелкий лавочник, а то и просто барыга.

В нынешней разговорной практике данная поговорка приобрела иронический, шуточный, несерьезный оттенок. А если кто и руководствуется ею, то потихоньку...

В адрес Терентия Игрикова неизменно звучали комплименты: милый, интеллигентный, высококультурный человек. Его биографические вехи заслуживают аплодисментов. Школу он окончил с золотой медалью, единственный из всего выпуска. Параллельно завершил с отличием музыкальное образование. Прекрасно

сдал вступительные экзамены в институт, а через пять лет защитил диплом. В числе лучших его оставляют в родном вузе для научной работы. В конструкторском бюро при институте он становится ведущим инженером, автором нескольких изобретений. Его премируют, ему объявляют благодарность, он принимается на Доске почета, он член комиссии института по распределению молодых специалистов, без пяти минут кандидат наук...

С наилучшей стороны Терентий Игриков характеризуется и по месту жительства. Его лично знает начальник жэка. И это уже кое о чем говорит. Со многими ли из вас, читатель, знакомы ваши начальники жилищных контор? Вы с ними знакомы, а они с вами нет. Потому как всех жильцов не упомнить. Спросите, например, об авторе этих строк у начальника соответствующего жэка, в лучшем случае он даст справку о состоянии коммунальных платежей. О Игрикове же начальник жэка отзывался как о человеке общительном и доброжелательном, пользующемся всеобщим уважением жильцов.

И вот нате вам: достоинством общественности становится иной факт биографии высокообразованного баловня судьбы, человека, приятного во всех отношениях. Некоторые вообще не в силах в него поверить. «Если бы он совершил ЭТО, то не вел бы себя на работе как исключительно эрудированный и весь отдающийся творчеству работник», — прозвучало на собрании сотрудников конструкторского бюро, где обсуждался поступок Терентия Игрикова.

Не поверил в падение жильца и начальник жэка: «Да он же принимал участие в озеленении территории, активно способствовал наведению порядка в чердачном помещении!»

И тем не менее развенчание свершилось.

Вкратце история такова. Захотелось Терентию Игрикову поменять свой «Москвич-408» на более современный транспорт. Промаялся он четыре ночи около магазина и записался на «Жигули» (престижная машина), хотя семья склонялась к «Москвичу» новой модели. Семье не престиж надобен был, а машина высокой проходимости, способная доставлять домочадцев в дачную местность, где асфальтированные дороги еще не преобладают.

Очередь подошла, выкупил Терентий Игриков «Жигули». Выкупить-то выкупил и даже поездил денег, да вдруг пришел к твердому убеждению: «Москвич» ему все-таки больше подходит, а «Жигули» на проселке задевают фартуком кочки, их надо продать. Что особого труда, как вы понимаете, не составляет. Плевать дело найти покупателя на «Жигули». Среди коллег Терентия Игрикова мигом нашлись бы желающие. Но по причине, которая будет ясна читателю ниже, данный вариант ведущий инженер решительно отвергает. И продает «Жигули» братьям Гевор-

кян, которые в четверг прибывают в Москву из южных краев, а уже в пятницу становятся владельцами сверкающего ослепительной белизой автомобиля.

Причем перед посещением комиссионного магазина братья вместе с ведущим инженером

а) заезжают в гараж Игрикова, где покупатели вручают ему сверх комиссионной стоимости машины три тысячи рублей. Терентий Игриков, будучи человеком интеллигентным, не пересчитывая, прячет тугую пачку денег в ящик с инструментом;

б) заезжают в институт, где идет предварительное распределение студентов и необходимо присутствие члена госкомиссии Терентия Игрикова.

Первый пункт дает читателю ответ на вопрос, почему Игриков не продал «Жигули» кому-нибудь из сослуживцев! С коллеги лишку не потребуешь — этак можно подмочить свою блестящую репутацию.

Рассматривая второй пункт вкупе с первым, мы убеждаемся, как тесно переплетаются у инженера Игрикова коммерческие наклонности со степенным несением службы. Только что он провернул спекулятивную сделку и вот уже снова член госкомиссии, исключительно эрудированный инженер, доброжелательно настроенный к окружающим.

Третий пункт, где на сцену выходят прозорливые сотрудники милиции, дотошные следователи и судьи, мы сознательно не выделяем. Да, в финале — приговор, конфискация, моральные муки осужденного. Но для нас важнее установить, что же привело человека, казалось бы, приятного и положительного во всех отношениях, на скамью подсудимых. Разумеется, не золотая медаль в школе, не способности к музицированию, не изобретения и не Доска почета, а коммерческая жилка, которую он тщательно скрывал в себе. Эрудированный инженер, без пяти минут кандидат наук носил в душе девиз купцов, лавочников, барыг «Дают — бери, бьют — беги!» и на поверку оказался самым заурядным обывателем. Язык не поворачивается употребить в адрес современного, respectable, образованного человека такие слова. Но что поделаешь: если уж в тебе сидит купец, как ни маскируй его, а перед пачкой денег он все равно выглянет на свет божий и, заклебываясь от нахлынувших чувств, сладко пропоет:

— Моооооооо!

Как видим, от мещанства до преступления один шаг. Именно мещанские настроения привели ведущего инженера на преступную стезю. Вот его внутренний диалог там, в гараже: «Если дадут, значит, есть, значит, не обидяют. Дураком надо быть, чтобы не брать. Конечно, опасно — могут поймать. А если не поймают? Испереживаешься потом: мог взять, а побоялся».



## ШУТКИ ГРАЖДАНИНА КУДЕЛИНА

«Погода у нас хорошая, ночью минус десять, днем ноль, солнце, и с крыш капает (шучу)», — писал в столицу из далекого сибирского города гражданин Куделин. Он сообщал сводку погоды особе женского пола, сообщал доверительно, и никто, кроме данного адресата по фамилии Аникина, не смог бы оценить эту шутку.

«Не ходи в лес, там сейчас сыро (шутка)», — шутил гражданин Куделин, и она от души смеялась, хотя непосвященного такая фраза вряд ли развеселила бы.

Впрочем, это была их личная переписка, не рассчитанная на посторонних. Ее и хранила-то гражданка Аникина в укромном уголке комода. Во всяком случае, до поры до времени хранила. А потом вынуждена была отнести письма гражданина Куделина в народный суд. Там их, включив в опись документов, подписали в папку, озаглавленную «Дело № 25620». Шаг этот ей пришлось сделать в интересах третьего лица — гражданки Аленки (вес 2800 гр., длина 48 см), появившейся, как вы догадываетесь, на свет не столько в результате переписки двух любящих сердец, сколько в результате того, что гражданин Куделин проводил свои длительные отпуска, а также частые командировки в Москве.

Аленку он за дочь не признал.

— Не моя девочка! — заявил он суду. — Маловаты габариты. Моя, пожалуй, родилась бы покрупнее. Да и не было у меня, честно сказать, ничего общего с истицей. Я всего-навсего снимал у нее жилплощадь во время отпуска и командировок. В Москве трудно с гостиницами. Наши отношения были отношениями администратора гостиницы с постояльцем.

— Но с администратором не обязательно идти в загс и оставлять там заявление о регистрации брака, — возразил суд. — А вы сделали это.

— Шутка, всего лишь шутка! Если вы заметили, я склонен к шуткам. И вообще я отсутствовал в Москве в исчисленную медиками вторую декаду августа, когда мое присутствие было необходимо, чтобы стать папашей спорного младенца. Я был в Ереване.

— А соседи по квартире видели вас именно тогда. Вы пекли пирог, пользовались ванной, разговаривали по телефону, ваше проживание учтено при расчете за пользование электроэнергией.

— Оговор, подлог! Соседи заодно с Аникиной.

— Предположим. Но заодно с Аникиной и Высшая аттестационная комиссия. По справке организации, которая находится в Москве, а не в Ереване, 15 августа вы получили аттестат старшего научного сотрудника. Лично и под расписку.

И тогда гражданин Куделин, смущаясь и краснея, делает следующее заявление:

— Находился я или нет в тот период в Москве, не столь важно. Главное другое. Не суждено мне, увы, иметь потомство. И это, если хотите знать, трагедия всей моей жизни.

Дело дошло до судебно-медицинской экспертизы.

— Трагедии не установлено, — научно установили медики. — Исследованный гражданин способен иметь детей. Природа в этом смысле отнеслась к нему вполне благосклонно.

— Все равно не мой ребенок! — упорствовал гражданин Куделин и после суда, который признал его отцом Аленки и решил взыскивать с него алименты, встал на путь детективного жанра.

Гражданка Аникина получила три зловещих анонимных письма.

«Если не откажешься от алиментов, примешь жестокую смерть», — машинописно обещал в первом письме неизвестный друг гражданина Куделина.

Второе пришло из мест заключения:

«Так и знай, не передумаешь, прищью. Мне тут недолго осталось, срок подходит к концу».

Третье таинственный рецидивист исполнил в красном цвете, цвете крови: «Я уже на свободе. Даю последний срок».

Автор имел беседу с гражданкой Аникиной. Беседующие стороны безоговорочно согласились: папаша Аленки — подленькая личность. Автор вознамерился было назвать в фельетоне во всеуслышание фамилию папашы, его должность и место работы.

Но мама Аленки забеспокоилась:

— А вдруг его, чего доброго, еще отстранят от должности? А она у него, как вам известно, хорошо оплачиваемая. В конечном счете пострадают интересы ребенка.

Посему автор все фамилии изменил. В то же время он и задумался: «А ведь гарантии, что папочка будет исправно выполнять решение суда, нету. Да и в угрозах, полученных гражданкой Аникиной, не указано в скобках, что это невинные шутки».

После долгих размышлений было решено пока просто пошутить в духе гражданина Куделина. Причем в адрес этого гражданина и в ответ на его же шутки.

В голове автора сложился

## УЛЬТИМАТУМ ГРАЖДАНИНУ КУДЕЛИНУ

Погода в Москве сейчас чудная, хотя еще нискогда не капает (шутка). Но если вы не прекратите угрозы или станете увиливать от уплаты алиментов, миллионы читателей познакомятся с вами поближе. И в лес, откуда поступила вторая угроза, больше не попадайте — там сыро (шутка).

Шутки шутками, а вообще-то история малосимпатичная.

## СПОРНЫЕ КРЕСЛА

Сейчас уже никто не зашивает в сиденья стульев брильянты. Поэтому читателю придется довольствоваться историей двух кресел-кроватей, в честь которых никто не учредит клуб и не откроет кабачок «Двух кресел-кроватей».

Эти кресла, хотя и не сразу, прибыли морским путем в один дальневосточный порт. Их купил в местах мебельного изобилия морской волк боцман Ветродуев. Не для себя купил, а для своей двоюродной сестры, которая ассигновала ему для этой цели полторы сотни. Но судно с креслами и морским волком отправилось из мест мебельного изобилия непосредственно на лов рыбы.

Во время лова кресла хранились в укромном местечке, укрытые брезентом от морских волн. И тем не менее судьба их сложилась драматично.

Морской волк — попечитель кресел — за деяния, не относящиеся к сюжетной линии, был арестован и попал под следствие. Но еще в преддверии этого печального события он был подвергнут искушению со стороны своего капитана, которому кресла приглянулись.

— Мягкая мебель в местах, не столь отдаленных, тебе не понадобится, продай ее мне, — сделал он заманчивое предложение Ветродуеву.

— Не мои кресла, — крепился боцман. — Еще и за это потянут.

— Семь бед — один ответ! — сказал капитан и вручил ему деньги.



И вот наконец кресла-кровати прибывают в морской порт. где их поджидает у причала двоюродная сестра боцмана. Она их поджидает и видит, что капитан судна грузит ее кресла на автомобиль и сдувает с них пылинки, как со своих собственных кресел. И у нее остается один выход: вытребовать свои кресла через суд.

Суд решает взыскать стоимость кресел с боцмана в пользу капитана, а с капитана в пользу двоюродной сестры кресла-кровати в натуре.

— Все равно кресла мои, не отдам! — заявил капитан.

И когда судисполнитель, сопровождаемый двоюродной сестрой морского волка, пришел изымать кресла, дверь ему не открыли и чаем не напоили. Кресла удалось изъять со второго визита. После личного вмешательства председателя суда. Но натуральный вид кресел уже резко отличался от первоначального.

— Получите ваш хлам! — не скрывая насмешки, сказала супруга капитана. И выдала то, что раньше называлось креслами-кроватями.

Подушки кресел находились в разобленном состоянии, были разодраны и старательно испачканы. Двух подушек невезучая двоюродная сестра вообще недосчиталась. На одной из оставшихся подушек сияло еще сырое пятно, от которого веяло больничным запахом.

— Обыкновенный йод, — с готовностью пояснила капитанская жена. — Пользуйтесь на здоровье, с моей стороны возражений нет.

Вот как не повезло этим злосчастным креслам, несмотря на отсутствие в их чреве бриллиантов. Супруге капитана легче было расставаться с останками кресел, чем с целой мебелью. Радости двоюродной сестры боцмана она не перенесла бы. А разочарование и обида на лице истицы принесли ей, очевидно, полное моральное удовлетворение.

## ТАЙНАЯ ОТДУШИНА

Как я оказывался в магазине «Ковры», трудно сказать. Жена посылала меня за маслом, молоком, хлебом, а я, загрузив авоську в продмаге, обязательно заворачивал в этот магазин. Здесь было тихо и красиво, как в музее, а продавцы выгодно отличались от суетливых тружеников продмагов. Суетиться им не при-

ходило за отсутствием в магазине очередей. Правился мне и метод работы магазина: пришел, выбрал нужный ковер, записался и жди приглашения. Просто, удобно, вежливо.

И вдруг происходит такое, во что я до сих пор не могу поверить. Неожиданно вся округа узнает, что в магазине ковров творились темные делишки. Поползли слухи.

— Помните такого молоденького продавца — Володей зовут? Под следствием он. Говорят, вся уверенность с него враз спала, как взятая напрокат одежонка.

— Администратор магазина тоже взят под стражу. А какой respectable был, только бабочки и фрак не хватало. На работу ходил, как на дипломатический прием.

И как ни печально, все это подтвердилось. Я был обманут в лучших чувствах. Еще неизвестно, что меня больше влекло в магазин — ковры или продавцы. Я любовался их благородными манерами, мне казалось, что они гордились своей профессией.

И, что самое главное, — как им удавалось изображать из себя кристально честных людей. Ведь тут сценический дар нужен, театральное образование!

Ответы на все эти вопросы я получил в народном суде, где рассматривалось уголовное дело Беседина Александра Сидоровича, администратора, характеризующегося положительно, и Антонова Дениса Глебовича, работавшего там же младшим продавцом, характеризующегося положительно. (Из приговора).

А попались характеризующиеся положительно Беседин и Антонов на элементарной взятке. Одна из посетительниц магазина бросала на Антонова уж очень преданные взгляды. Кто из них подморгнул первым, трудно сказать. Но вскоре они нашли общий язык. И вот они уже спускаются в подвал, где Антонов демонстрирует покупательнице пользующийся повышенным спросом ковер и шепчет ей на ушко: «Плюс двести».

Покупательница отсчитывает ему вышеозначенную сумму и с открыткой, которую ей дает Антонов, выходит из подвала. Открытка нужна для отвода глаз, чтобы у покупателей не закралось подозрение. Но открытка эта хороша, когда на нее смотрят издали. Стопроцентной безопасности она все же не обеспечивает. Поскольку по ней уже получен ковер другим лицом. И при ближайшем рассмотрении это режет глаз.

Поэтому для большей верности ковер попадает на контроль не через дверь, как покупательница, а иным тайным путем. Антонов поднимает ковер из подвала в верхнюю подсобку и проталкивает на контроль через дыру в стене, которая, заметьте, давно (уже отмечен пятилетний юбилей этой дыры) здесь существует специально для операций деликатного свойства. Но существует

данная щель ненавязчиво — от посторонних глаз ее укрывает висящий на стене ковер.

И вот покупательница выносит из магазина ковер, и вдруг становится ей жалко денег, отданных сверх стоимости ковра. Она обращается в милицию.

— И куда только вы, милиция, смотрите— ведь берут взятку среди белого дня! — досадует она.

Предстал Антонов перед следователем. Сначала все возмущался — как так: оскорбить честного человека грязным подозрением! А потом, видать, нервы не выдержали. Пишите, говорит, действительно брал взятку, но не для себя и не по своей инициативе. Для Беседина брал и по его указанию. Ему и передал две сотни, из которых он мне выделил, стыдно сказать, всего двадцать целковых.

Съездили за Бесединым. Этот все наотрез отрицал, называя себя честнейшим из честных. До того вошел человек в образ, что сам в него поверил. Пришлось напомнить ему, как он утаивал от сжигания использованные открытки. Как пускал их в дело. Напомнили ему, кроме того, что деньги, полученные от Антонова, он положил в сейф, в кабинете директора, где их и обнаружили.

Следователей и судью, конечно, меньше всего интересовала игра Беседина, его, так сказать, исполнительское мастерство. Они оперировали фактами, и по ним судили о степени виновности двух взяточников.

Меня же все-таки мучило любопытство: откуда у жуликов такая неистребимая вера в свою звезду? Откуда эти два слова, вступающие в противоречие с материалами дела: «Характеризует-ся положительно»? Имела ли основание директор магазина по запросу суда так охарактеризовать своих бывших подчиненных? Оказывается:

Беседин на собраниях ратовал за культурное обслуживание покупателя.

Антонов принимал участие в общественной жизни коллектива, был физоргом.

Взяточничество — это у Антонова и Беседина как бы тайная отдушина, которая, как щель в стене, была хитроумно замаскирована узорчатым ковром — репутацией общественников и славных тружеников.

Отсюда и вера в свою звезду и процветающий вид: взятку-то еще надо доказать, а положительные качества всегда налицо.

## ЛИНОВЫЙ МУЖ

Умение устраиваться в жизни — хоть и завидное качество, но не всегда приводит к счастью в личной жизни. И в общественной тоже. Некоторые граждане, казалось бы, с гроссмейстерской дошпливостью продумывают свое существование на много дней вперед, но судьба-индейка выкидывает встречные фокусы.

Сейчас, например, не так-то легко прописаться в Москве. Это и понятно: город не резиновый, какой-то предел росту народонаселения должен быть. Но в то же время есть граждане, предел мечтаний которых — устроиться в столице. Их любовь к Москве, с одной стороны, трогает. Но, с другой стороны, в судебных органах можно ознакомиться с материалами, которые вызывают к ним менее трогательные чувства.

Всем нам хорошо известно, что любовь не знает преград. Если двое полюбили друг друга и соединились в законном браке, никто не в силах запретить им проживание на совместной площади. Впрочем, никто и не запрещает: пожалуйста, мужа к жене или жену к мужу желающие всегда могут прописать. И столица в этом смысле не исключение.

Вот кое-кто и смекает: «Ага, значит, для прописки в Москве надо всего-то-навсего вступить в брак с москвичом или москвичкой. Любовь — дело второстепенное, в крайнем случае для достижения заветной цели нетрудно капельку и поиграть — пыльные словеса, томный взгляд, прогулки при естественном спутнике или что там еще в арсенале обольстителей женских сердец. Или, наоборот, мужских. В душу-то ни один суд не заглянет».

Иногородный художник Василий Маклаков мечтал влиться в ряды московских мастеров кисти. И автор не видит в этом ничего предосудительного. Возможно, в столице Маклаков полнее раскрыл бы свой талант и порадовал бы нас незабываемыми полотнами. Кто знает?.. Но хотелось бы, чтобы творец прекрасного и в личной жизни предпринимал шаги, не противоречащие его эстетическим принципам.

А шаги были коварны. Путь его в столицу пролегал через женское сердце. Облюбовал он себе москвичку К., юную и неопытную, и развил кипучую деятельность, которая привела его в загс. А прописавшись на площади жены, он сразу же охладел к ней. Потому что сам еще был достаточно юн и видел свое призвание не в стирке пеленок, а в творческом горении. Пеленки могли бы

помешать ему вдохновенно гореть, и он спешно покинул свою избранницу.

Поставьте себя на место москвички К. Для нее-то все было всерьез: любовь была любовью, свадьба — свадьбой, а не замаскированной операцией по прописке. И вдруг она узнает, что любила в одностороннем порядке. Его любовь, оказывается, была чувством меркантильным, а свадьба — чистым фарсом. И вот мужа нет, а есть штамп в паспорте. И значит в лицевого счете лишнее лицо в графе: «количество лиц для начисления платы на воду». А кому это надо оплачивать воду за лицо, и пусть даже творческое, которое пьет чай неизвестно где. Конечно, обратилась москвичка К. в суд, который признал брак недействительным и лишил Маклакова московской прописки.

Так удачно было задумано, но панический страх перед пеленками все сгубил! Слишком уж быстро раскрыл свою липовость Маклаков — нет, чтобы подождать месячишко-другой... Кто согласится на мужа, который только числится по документам? Со свидетельством о браке не пойдешь в кино или в парк отдыха.

Впрочем, не будем спешить с выводами: выпускница мединститута с берегов Волги Анна Куропаткина как раз искала липового мужа. Из числа москвичей. Муж в полном смысле этого слова ее не устраивал, так как свое сердце она уже отдала другому мужчине. Не москвичу. Который тоже стремился стать москвичом. И поскольку их интересы совпадали, они разработали совместный план, до гениальности простой.

Куропаткина должна была подыскать партнера, желающего улучшить свои жилищные условия, который согласился бы на фиктивный брак. В награду за это партнер получает деньги на кооперативную квартиру, выезжает со старой площади, на которой остается Куропаткина. Затем развод и бракосочетание с тем, кому отдано сердце. И, разумеется, его прописка.

Надо сказать, что первая часть плана была блестяще приведена в исполнение. Нашелся-таки юноша, некий Петр Бродцев, согласившийся на сделку. Он сходил с Куропаткиной в загс, прописал ее у себя, на полученные деньги построил себе однокомнатную кооперативную квартиру, переехал в нее, оставив Куропаткину в желанном одиночестве. Остался последний мазок, и вдруг Бродцев пишет заявление в милицию, в котором разоблачает предпринимчивую выпускницу мединститута. То ли его не устроила новая квартира, то ли между бывшими фиктивными супругами возникли какие-то разногласия, то ли у человека заговорила совесть — неизвестно. Но по иску прокурора Куропаткина была лишена московской прописки.

Вот вам и расчет на grossмейстерском уровне. Все удары судьбы не предусмотреть. Уж как тонко, казалось, действовал Виктор

Редькин, проживавший в Ставрополе, но и он по решению суда лишен звания москвича. И, как мы убедимся ниже, столица от этого только выиграла.

Редькин подыскал себе даму, просто бесценную в деле прописки. Во-первых, дама обожала выпить и, чтобы ее любимое занятие приобрело регулярность, ей требовались лишние деньги. Именно поэтому стороны быстро достигли взаимопонимания. Во-вторых, Тамара Брелкова — так звали даму — работала паспортисткой в одном из жэков. И проживала на площади данного жэка. А это — интуиция подсказывала Редькину — могло пригодиться.

Но вот беда: он уже имел жену. Вполне законную и любимую. И в его планы входило прописаться в Москве вместе с нею. Но двух жен в один паспорт не занесешь. Поэтому с любимой женой пришлось на время развестись. Документально развестись. Фактически же ничего в их отношениях не изменилось.

И вот Виктор Редькин уже наш земляк, через какой-то год становится пайщиком ЖСК и вскоре получает трехкомнатную квартиру. На себя и на пьющую паспортистку, с которой, как вы догадываетесь, тихо и мирно разводится. Причем паспортистка оказывается на редкость бескорыстной женщиной: она съезжает с квартиры, оставив Редькина ее единоличным хозяином. И, наконец, повторный брак с любимой женой, которая тоже становится москвичкой.

И если бы на свете не существовало прокуратуры, красивая комбинация Виктора Редькина и поныне восхищала бы его друзей и родственников. Но, к несчастью, прокуратура есть и она все видит. Друзей и родственников Редькина вызвали в суд в качестве свидетелей, и они убедились, что он допустил несколько роковых промахов.

— Как вам удалось вступить в кооператив? — спросила судья. — Вы и года не прожили в Москве к моменту вступления, для которого нужны как минимум два года.

— У нас с Томой была пламенная любовь. Все окружающие были растроганы нашим чувством. И шли нам навстречу. В том числе и в ЖСК.

Вызвали в суд представителей ЖСК. Они пояснили, что Редькин при оформлении квартиры сдал документы, которые отвечали всем существующим нормам. В столице он проживал более двух лет, имел здесь же постоянную работу.

Это заинтересовало суд. Он уже изучил некоторые вехи биографии Виктора Редькина и знал, что со дня его бракосочетания с Брелковой до вступления в кооператив не прошло и года.

Не мог же он оформить прописку до бракосочетания! Для того и сочетался!

Изучив выписку из домовой книги, которую Редькину выдали в жэке, где работала паспортисткой Брелкова, суд выяснил, что ложную справку выдала сама Брелкова. Интуиция не подвела Редькина: его дама оказалась действительно бесценной. А что касается судьбы-индейки, так от ее ударов никто не защищен. Тем более на брачном поприще. Сложное это поприще, до конца не изученное...

## ТОВАРНЫЙ ВИД

Пишущие машинки еще не вошли широко в наш повседневный быт. Как, например, телевизоры или холодильники. И большинство граждан пишут письма от руки. Редакционным работникам, имеющим дело с читательской почтой, иной неразборчивый почерк адресата доставляет массу хлопот. Некоторые письма приходится читать буквально по слогам, через лупу, причем иные слова так и остаются неразгаданными. Легко понять радость сотрудника редакции, когда на стол ложится письмо, отпечатанное на машинке.

Скажем, это — свеженькое, только что из сумки почтальона. Смотрим в конец письма. Кто он, приславший нам желанную машинопись? Итак... эээ... .. Василий... проскок Иванович Лопарев.

Позвольте, что за странное трехступенчатое имя? И отчего вторая ступень написана от руки? И что это за таинственные слова: «шпинке», «сывать», «нительных»?

Приглядевшись, находим недостающие части этих слов — они почему-то влачат обособленное существование.

Да, неудачный мы выбрали примерчик. Оказывается, в письме идет речь о плохом качестве пишущей машинки «Сетунь». И для наглядности отпечатано оно именно на этой машинке. И зовут гражданина Лопарева — Василий Иванович, а «проскок» — это его пояснение к машинописи. Он как бы извиняется за каретку машинки, которая неожиданно сделала холостой пробег.

Прямо скажем, своенравная досталась Василию Ивановичу машинка. То лепит кляксу и пропускает буквы, то ее заклинивает в середине строки, то бумагу в нее не оставишь. А в первый же день эксплуатации на целый месяц замкнуло замок верхнего регистра, пока владелец машинки не извлек откуда-то

изнутри клавишу неизвестного происхождения. С изображением параграфа.

А до этого у него была другая машинка. Тоже «Сетунь», но с иными причудами. Он ее обменял на заводе. А эту почему-то не меняет. Может, боится, как бы хуже экземплярчик не прислали?

— А кто подсунул мне изящное оформление? — негодует покупатель. — Кто спрятал под красивой оболочкой больной механизм?

Мы подошли, уважаемый читатель, к сути. А она в том, что вдвойне обидно становится, когда за красотой явной обнаруживается дефект скрытый. И тогда не радуют ультрасовременный вид, яркая краска и бросающаяся этикетка.

Гражданка Щепкина облюбовала в магазине туфельки для своего шестилетнего сына. Внешне эти туфельки вселяли гордость за наших обувщиков. Хотелось пожать руки их изготовителям и подарить каждому по гвоздику. Такие это были симпатичные туфельки. Но, к сожалению, гражданка Щепкина вместо того, чтобы поставить покупку на декоративную полочку рядом с подсвечником и, приходя с работы, вытирать с туфелек пыль, отдала их шестилетнему сыну. А тот по своей неосознанности тут же обул их и побежал во двор по своим неотложным мальчишечьим делам.

И ведь нет чтобы чинно и спокойно посидеть на лавочке рядом с пенсионерами и дать им возможность полюбоваться его изящной обувкой. Обязательно ему надо было скакать по всему двору, играть во всякие там догонялки и другие подвижные игры.

И вот результат: еще не истек гарантийный срок, а туфли уже имели вид, чем-то напоминающий затонувший в доисторические времена парусник, поднятый со дна океана. С туфелек слезла краска, у одной из них отвалился каблук, у другой — сломался мысок.

Ну не посочувствовать ли фабрике? Покупательница возвращает ей бракованные туфли, вместо того чтобы предъявить претензии своему не в меру энергичному сыну. Пусть бы он побавил скорости! Пусть хоть немножечко пожалел продукцию фабрики.

Мальчишки, которые гуляют по улицам парами, взявшись за руки, — мечта иных обувщиков. Но, увы, мечта несбыточная. Мальчишек не переделать — так уж они скроены. Единственный выход — выпускать для них обувь не только красивую, но и прочную.

Кстати, точно такие же туфельки приобрела для своей дочки сослуживица Щепкиной. И хотя девочки предпочитают, как



известно, более спокойные игры, судьба ее туфелек оказалась не менее печальной. Так что дело тут было не в детских качествах, а скорее в качествах производственных.

А откуда покупателю за красивой внешностью увидеть дефект, невооруженному глазу невидимый. Да и где ему, покупателю, догадаться — ведь он не ходит по магазинам с портативной лабораторией, не исследует товар на прочность, надежность и долговечность. У него в основном один критерий — красиво или нет? Хорошо оформленный товар внушает ему доверие.

В торговле есть такое понятие — товарный вид. Это о товаре, который мы, покупатели, охотно берем. Потому что с виду товар — загляденье. И, очевидно, некоторые производители, уловив эту нашу психологическую слабость, обратили особое внимание на привлекательность продукции.

Ну, что ж, благодарствуем — потрафили. Но позвольте: когда внешняя пригожесть изделия маскирует проскоки и держакисы на честном слове каблучки, — это не трогательная забота о потребителе, а камуфлирование и надувательство.

## СТОПРОЦЕНТНЫЙ ОХВАТ

В конце рабочего дня к нам пришел Туркин, отвечающий в местком за спорт.

— Товарищи, просьба в конце рабочего дня расстояние от вашего корпуса до проходной не пройти, а пробежать. Зачем как стометровку. На ГТО.

И вот прозвенел звонок. Женщины взяли свои увесистые сумки, набитые мясными полуфабрикатами, банками с неочищенными томатами в собственном соку, сосисками, яблоками, мужчины — портфели с пивом «Сенатор» (приобретено в нашем буфете) и, спустившись вниз, заняли исходную позицию.

Шел дождь, и почти все открыли зонты. Прозвенел будильник, который завел Туркин за неимением стартового пистолета, и мы побежали.

Секретарь-машинистка Валуева уже на старте уронила бефстроганов, на котором поскользнулся главный инженер проекта Корицин. Он двигался вслепую, держа перед собою роскошный зонт-трость, который защищал его от дождя и ветра. Ветер ме-



нялся, и Корицин то улетал вперед, то топтался на одном месте. Поскользнувшись, он грузно опустился в лужу и был похож на только что приземлившегося парашютиста.

Инженер-конструктор Шустиков бежал с детской ванной: подарил сослуживцы по случаю рождения дочери Елизаветы. На середине дистанции у него вдруг что-то заело, он аккуратно положил ванну вверх дном и опустился на нее.

— Какие будут соображения? — услышал он голос Корицина, который, прихрамывая, настигал его. При этом зонт-трость он использовал скорее как зонт-костыль.

— Пивца бы, — мечтательно сказал Шустиков, провожая взглядом коллег, которые честно волокли свою ручную кладь к финишу.

Корицин извлек из портфеля две бутылки пива, откупорил их зубами.

— За Елизавету! — постучал он зонтом по ванне.

— В чем дело, товарищи? — подбежал к аутсайдерам Туркин. — Хотя от ваших показателей ничего уже и не зависит — я своевременно рапортовал куда следует о стопроцентном охвате, — но все-таки мне странно смотреть на вас: тут дистанция ГТО или пивбар?

— Интересно! — возмутился Корицин. — Я ползаю по лужам, можно сказать, одновременно сдал зачет и по плаванию, а он, оказывается, уже давно все галочки поставил.

— Не все, — поправил его Шустиков. — Не учтена моя дочь Елизавета. Через пару дней она начнет принимать водные процедуры в этом микробассейне. Так что приходи, Туркин, принимать плавание у Елизаветы. С нею план по охвату у нас будет перевыполнен.

## БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Однажды богу наскучило сидеть на облаке, и он решил спуститься на землю. Но, как известно, для любой командировки нужен предлог. Пошел бог в небесный отдел писем и как бы между прочим заинтересовался: «Ну, как, грешат людишки?» «Есть немного, — отвечают ему. — И в основном по линии ведомственного бога Бахуса». «А вот я ему оформлю персональное дело!» — потряс нимбом бог и, вооружившись сигналами с мест, снизошел на земную твердь.

Приземлился он в поселке Новом, купил шляпу, чтобы прикрыть нимб, и решил сфотографироваться. На память об очередном явлении народу и в целях проверки сигнала. Зашел в фотоателье и чувствует, что снова как бы парит на облаке. Хорошо еще, что над головой потолок, — ухватился бог за люстру и принялся. Так и есть — фотограф источает винные пары, которые, должно быть, и образовали облако. С трудом добрался бог до стула и сфотографировался. Спрятал под шляпу квитанцию и отправился по другому сигналу — в поселок. Там Бахус, судя по сигналу, дурно влиял на пожарников.

У пожарной части бог снова воспарил. По запаху облако представляло из себя смесь винных паров и гари. Первый компонент давала пожарная часть, второй — помещение склада, расположенное по соседству. Из окон склада выбивались клубы дыма. Стал бог кричать пожарникам, чтобы те обратили внимание на пожар. На земле к пожарникам зывала работница склада.

— Не сейте панику, огня еще нет, один дым, — проявили пожарники хладнокровие в критический момент. — Еще успеем. Разсердился бог и метнул нимб в пожарную часть.

— Уже выезжаем, заберите ваш инвентарь, — зашевелились борцы с огнем.

Они подъехали на двух машинах к складу, нацелились на него брандспойтами и стали терпеливо ждать, когда из них забьют упругие струи. Струи не забились. Только покапало в аптечных дозах что-то ржавое, неспособное утолить и жажды двух мух.

— Ну, Бахус, ты даешь! — воскликнул создатель. — Какую же, очевидно, кропотливую и настойчивую работу надо было провести с этими пожарными, чтобы они выехали на тушение огня без воды?

А пожар разгорался. На импровизированном облаке стало жарковато. Бог опустился на землю, подобрал свой нимб и смахнул с него пыль.

Пожарные погнались на ближайшую речку за водой. Вернувшись, склада они уже не застали. Сгорел склад дотла.

— Эх, жалко фотоаппарат не захватил! — посетовал бог. — Упустил фотообвиненье против Бахуса. Пепелище на его совести. Кстати, где квитанция? Хотел бы я знать, что случилось у того пьяного фотографа.

В указанный на квитанции день бог получил свой портрет.

— Кто это? — удивился он. — Я бесхвостый, и у меня нет рогов. У меня, извольте полюбоваться, нимб. Господи, надо же так указать черты. Вместо бога здесь самый натуральный черт.

Плюнул создатель и поспешил вознестись.



Срочно был созван небесный местком с повесткой дня:

1. О ходе инвентаризации облаков.

2. Разное.

Когда дошли до второго пункта, бог отчитался по командировке и обрушился на Бахуса, который, по его словам, толкает людей на пьянство. Закончил он предложением объявить Бахусу строгий выговор и перевести его на три месяца на нижеоплачиваемую работу.

Но тут попросил слова один из архангелов.

— Бахус хоть и курирует спиртные напитки, — сказал он, — но в перечисленных богом фактах не повинен. Позвольте спросить уважаемого бога: кто, собственно, создал людей? Он и создал. Следовательно, слабость людей к спиртному прежде всего его крупный просчет. Поэтому предлагаю объявить богу-создателю строгий выговор со следующей формулировкой: «За выпуск некачественной продукции».

Все единодушно проголосовали за предложение архангела. Так неожиданно разыгралась трагедия бога.

## ВКУСНЫЕ ЗАПАХИ

Перед уходом с работы я позвонил домой:

— Встречайте через полчаса. Вооружайтесь шваброй, зонтиками. Побольше колющего. Детям дайте усы от комнатной антенны. Атакуйте решительнее! Я пошел.

Минут через десять я втиснулся в автобус. Голова уперлась в чью-то авоську с пакетами молока. По щеке заструилась прохладная струйка. Я попробовал ее на вкус. Шестипроцентное.

На первой же остановке поднажали. Мой нос вдавился в кулек.

— Уберите клюв, — сказал владелец авоськи.

Я убрал и сразу впел рукой во что-то мягкое и липкое. Уколотся.

— Чей мясной фарш? — спросил я. — Употребляйте с осторожностью, косточки в нем.

— Спасибо, — поблагодарила сзади невидимая старушка. — Только вряд ли дойдет до употребления.

Автобус тормознул. Старушку с фаршем припечатало ко мне. Пора пробираться к выходу.

Энергично действуя плечом и локтями, я давил по пути творожные сырки, помидоры и разные другие продукты. Перед самой дверью на меня посыпалось пшено, а когда я выскочил из автобуса, вслед за мной выпорхнуло облако сахарной пудры.

— Ну, с богом! — сказал я, приблизившись к своему дому. — Три, два, один — старт!

И, распространяя вкусные запахи, понесся по двору. Все собаки, которых в это время прогуливали, устремились ко мне. С блаженным повизгиванием они набросились на меня, причем не отставали от них и кошки.

Алчной тучей нависла надо мной голубиная стая, растопырив крылья, за мной погнался петух Никодим.

Родственники подоспели вовремя. Они хлынули из подъезда, воинственно гикая, как раз, когда Никодим принялся выклевывать из моей бороды пшено. Жена стучала молотком в медный таз, теща рассекала воздух шваброй, тесть фехтовал зонтом-тростью, дети — усами антенны.

Я сбросил пальто и, оставив его на попечение семьи, с облегчением влетел в подъезд...

А через некоторое время я с нескрываемым любопытством наблюдал в окно такое же нелегкое возвращение многих своих соседей по дому...

## РАЦИОНАЛЬНОЕ

Леша Ковригин собирался в свою первую командировку.

— Леша, а куда ты положишь деньги? — спросила его жена Верочка. — Из пиджака их могут выкрасть. В поезде, например, когда ты будешь спать. Или в гостинице.

— Неплохо было бы зашить их в подтяжки или устроить тайник в полуботинке, — сказал Леша.

— Не подходит, — отвергла эту мысль Верочка. Подтяжки и обувь на ночь снимаются. Нет. Лучше всего их зашить в то, с чем ты даже ночью не расстаешься.

— В трусы? — догадался Леша.

Поздно вечером он лежал на второй полке купейного вагона и ощущал где-то в районе печени непривычную тяжесть. На его печень давили командировочные деньги. Попутчики уже спали. В ногах у них, отражая синий свет ночника, таинственно мерцали пиджаки.

«К счастью для них, я не вор, — мелькнуло у Лешы. — А то



плакали бы их пиджачки вместе с бумажниками. Или у них тоже тайники имеются?»

Но тут он увидел, как нога пассажира, спящего, как и он, на верхней полке, высунулась из-под одеяла и большим пальцем коснулась пиджака.

«И я бы так мучился, если бы не жена,— подумал Алексей.— Одной бы ногой спал, а другой на стреме стоял. Все-таки здорово она придумала. Спи сколько влезет и ни о чем не думай».

Но как назло ему не спалось. Думалось о несчастных попутчиках, которых ничего бы не стоило обворовать, будь на его месте жулик, о свете ночника, предназначенного скорее всего для того, чтобы пассажиры не рылись под прикрытием темноты в карманах друг друга, о своей печени, которая впервые соприкасалась с такой суммой денег.

На другой день Алексей приехал в Лесогорск. День был воскресный. Устроившись в гостинице, он зашел в ресторан-поплавок «Волна», где с аппетитом съел суп из домашней лапши, котлеты по-лесогорски и выпил чашечку кофе. Затем в ожидании официантки он закурил сигарету и снова мысленно отблагодарил Верочку за ее остроумное рацпредложение, внедрение которого позволяет ему наслаждаться жизнью, не дрожа за свои карманы.

«А если, скажем, этот поплавок прохудится и пойдет ко дну,— размышлял он, все люди ввиду неожиданности происшествия попрыгают за борт в чем есть — в брюках и пиджаках. И при этом из их карманов начнут сыпаться деньги. Опять-таки мои денежки останутся при мне. Правда, намокнут, но это поправимо».

И тут в его сладкие размышления вторгся голос официантки.

— С вас рубль восемьдесят.

Леша механически полез во внутренний карман пиджака и, понятное дело, денег там не обнаружил. Деньги у него, как известно, находились в другом месте. Обшарив для приличия все карманы, он нетвердо сказал:

— Видите ли, деньги у меня есть, но я стесняюсь их достать.

— Посмотрите на него, он стесняется! — чуть не задохнулась от возмущения официантка. — А когда ели, не стеснялись? А ну расплачивайтесь, пока я милицию не позвала!

И Леша, поразив официантку оригинальностью своего поступка, расстегнул брюки и извлек из района печени три рубля.

Вернувшись в гостиницу, Леша переложил деньги в пиджак. Его печень облегченно вздохнула.

## ПЕРВАЯ ПЛЕНКА

(Рассказ для детей)

Вчера мне купили фотоаппарат «Зоркий», и я сразу же отправился к Володьке. Володьке фотоаппарат подарили еще к прошлому дню рождения, и я рассчитывал на его богатый опыт. Он обедал и, увидев меня с новеньким «Зорким» в руках, подавился котлетой. Его фотоаппарат находился в ремонте, и он порядком соскучился по фотографированию.

Мы бросились на улицу и начали снимать друг друга. Потом нам это надоело, и мы стали снимать прохожих. Но вскоре Володька сказал, что остался всего один кадр. Я удивился, как он это узнал, и предложил запечатлеть на него какую-нибудь породистую собаку.

— Проявлять будем у меня в ванной комнате,— сказал Володька.

Мы пошли к нему. Он критически осмотрел ванну, в которой отмачивалось белье, и завесил одеялом маленькое окошко в кухню.

Когда все приготовления остались позади, мы закрыли дверь и запахали под нее тряпки, чтобы не проходил свет.

— Вытаскивай пленку,— глухо произнес Володька.

До этого мне не приходилось вытаскивать пленки. Сначала я немного распекал, потом совсем затих, так как не мог найти в аппарате место, где находится пленка. Володька нащупал меня и сказал:

— Давай кассету.

— Сейчас,— ответил я и начал что-то крутить.

Но в это время с окошечка свалилось одеяло и в ванную проник свет. Володька сходил за молотком и гвоздями и снова полез вешать одеяло. Одна нога его стояла на краене. Другую поддерживал я, встав на край ванны.

— Помоги мне слезть,— попросил Володька, продырявив одеяло четырьмя семидесятимиллиметровыми гвоздями.

Но слезть Володьке помог кран — он отвалился, и на меня хлынула вода. Я быстро намок, отпустил Володькину ногу и прыгнул с ванны. Володька, побалансировав немного на раковине умывальника, перекатился в ванну.

Там он стал отмачиваться вместе с бельем. Туда же упал бачок с проявителем, стоявший на дощечке.

Опомнившись, я запихал в трубу тряпку.

На шум явилась Володькина бабушка и спросила его, что он делает в ванне.

— Кулаюсь, — сказал Володька и загреб под себя бачок.

Потом он встал, мокрый и желтый. Он проявился. Белье тоже пожелтело. Бабушка все хотела что-то сказать, но у нее не хватило дыхания.

Володька встал на ноги, вылил из карманов воду и, подхватив фотоаппарат и бачок для проявления, уединился в стенном шкафу.

Минуты через две он вылез из шкафа, и я увидел у него в руках какую-то круглую штуку.

— Кассета, — протянул он жалостливо. — Пустая.

— Ну и что? — удивился я, не понимая, почему она должна быть полной.

Оказывается, в фотоаппарат нужно было зарядить пленку. А я думал, она там уже есть.

## ЭСТАФЕТА

На днях звонит мне Юрка Гольский, мой школьный дружок, и зовет на вечер встречи бывших выпускников нашей школы. А я мнусь и учащенно дышу в трубку. С одной стороны, меня тянет повстречаться с одноклассниками, а с другой — пугает встреча с учителями, которым я в свое время здорово досадила.

— Стоит ли будить в наших учителях печальные воспоминания? — нерешительно произнес я в трубку.

Уговорил он все же меня. Купил я два десятка гвоздик и, прячась за Юркину спину, пересек школьный порог.

— Кто это с тобой, Юра? — приглядываясь ко мне, спросила директор Мария Трофимовна.

Борода, которую я отпустил в последние годы, скрыла мой острый подбородок и сделала меня неузнаваемым.

— Как, вы не узнаете Владика Баркова? — удивился Юрка.

Услышав мою фамилию, учителя настороженно вытянулись и, всмотревшись в меня, бросились врассыпную.

— Куда же вы? — закричал им Юрка вдогонку. — Не пугайтесь — он уже совсем тихий.

— Помнят еще Владика Баркова! — растрогался я. — Не забыли.

— Такие ученики не забываются, — с трудом выговорила Мария Трофимовна.

Я стал разворачивать находившийся в моих руках сверток, и Мария Трофимовна насторожилась.

— Напрасно беспокоитесь, Мария Трофимовна, — сказал я, улыбаясь, — у меня здесь не пьяная кошка. Я уже давно не спавшаю их валерьянкой.

И протянул ей несколько гвоздик.

Увидев цветы, учителя немного успокоились и снова подошли к нам. Я поздравлялся с каждым по отдельности и раздал оставшиеся гвоздики.

Физик Александр Владимирович, приняв от меня цветы, долго вертел их, подозрительно изучая стебли, листья и полураспустившиеся бутоны.

— Невольно приходит на память один прискорбный случай, — объяснил Александр Владимирович. — Шестой «Б» преподнес мне ко дню рождения цветы. По-моему, это были тюльпаны. Так вот именно ты подложил в букет листья крапивы.

— Мне очень стыдно за эту проделку, — сказал я, покраснев. — Извините меня, Александр Владимирович, если можете.

— Тогда уж проси прощения и за мужа, — вмешалась в разговор учительница географии Анна Петровна.

— За какую муху? — удивился я.

— За ту, которую ты, обмакнув в чернильницу, пустил летать по классу. Я хорошо помню, как эта муха испачкала меня чернилами.

— Что-то подобное припоминаю, — сказал я, еще больше краснея. — И, конечно же, прошу прощения. Эх, вернуть бы те годы! Я бы, приходя в школу, окунал всех мух во французские духи. Чтобы они разносили приятный запах.

— А как бы ты теперь поступил со скелетом? — поинтересовался учитель по физкультуре Сергей Яковлевич. — Вспомни, как ты перетаскил его из биологического кабинета в спортзал и прицепил к шведской стенке, будто он карабкается на нее...

— И наши девочки, войдя в спортзал, подняли такой визг, что сбежалась вся школа, — продолжил я, скромно потупившись. — Теперь, Сергей Яковлевич, я бы так не поступил. Приношу вам свои глубочайшие извинения. Готов также извиниться перед скелетом.

— Сделай одолжение: он стоит на прежнем месте, — сказал Сергей Яковлевич.

И вот, сопровождаемый своими бывшими учителями, я поднялся на второй этаж в кабинет биологии.

— Привет, дружище, — бодро поздоровался я со скелетом. — Это я, Владик Барков, который посадил тебя на шведскую стенку.





Тут послышался скрип суставов, левая рука скелета резко поднялась и хлопнула меня по плечу. Я истонно закричал и отшатнулся. Учителя тоже попятились.

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело, — успокоил всех физик Александр Владимирович. Он бесстрашно приблизился к скелету и даже присвистнул. — Фотоэлемент. Скорее всего изобретение Норкина.

— Кто такой? — спросил я, оправившись от испуга.

— Твой достойный последователь, — объяснил Александр Владимирович. — Так сказать, эстафета поколений.

— Куда мне до него, — чуть ли не с завистью сказал я, разглядывая приспособление незнакомого последователя. — Это вам не муха в чернильнице.

Как бы в подтверждение моих слов скелет лязгнул челюстью и шагнул вперед.

Биологический кабинет мгновенно опустел.

## НА ЧЕМ РИСУЮТ ДЕТИ

(Письма дочери Анне с Международной детской ассамблеи)

Моя четырехлетняя дочка Аня постоянно стремится к единству. Она стремится к единству со своими сверстниками во дворе, в парке, на даче, в детском саду. Сплачивать ряды с окружающей ее детворой заставляет суровая жизненная необходимость: папа и мама — неполноценные компаньоны в игре, они все время куда-то спешат, а главное, туго соображают, так как играть давно разучились.

Еще моя дочка активно стремится к творчеству. Пробует себя во многих жанрах, и всюду она ярко выраженный абстракционист. Жанры «графика на обоях» и «резьба по мебели» — это чаще всего протест «Долой сон!» или «Долой еду!». В скульптуре (пластилин) Аня передает смену своего настроения — если, скажем, пластилин наклеен на папины брюки, значит, настроение неважное... В сказках, которые она сама себе рассказывает поздно вечером, чтобы не заснуть, Баба Яга, как правило, разъезжает на мотоцикле с коляской, а в коляске находится сама Аня — она контролирует Бабу Ягу, чтобы та не наделала глупостей.

И, наконец, Ане присуще чувство красоты. Мебель и обои она иногда портит и без всякого протеста, а просто желая сле-

лать их более изящными. Торт украшает пластилином из тех же побуждений. Любит Бабу Ягу, находя ее где-то внутренней доброй и красивой.

И какая же это несправедливость, что в Софию, на Международную детскую ассамблею «Знамя мира», девиз которой «Единство, творчество, красота», поехала не Аня, а я — ее папаша. Впрочем, на ассамблею я попал в качестве журналиста, а моя дочь недолюбливает эту профессию, которая требует тишины в доме. Тишина и Аня несовместимы. Именно поэтому я потерялся, еще будучи в Софии, переложить на бумагу свои впечатления об ассамблее. В виде писем дочери Анне.

### Письмо первое

Здравствуй, Анюта!

Вспомни свою любимую книжку «Праздник непослушания» Сергея Михалкова. Там родители обиделись на непослушных детей и покинули их. Дети обрадовались, начали баловаться, курить сигары, есть мороженое по десять порций за один присест. Они стали хозяевами города и делали все, что им хотелось. Ты еще говорила, что это самые счастливые дети в мире. Но это не так. Здесь, в Софии, дети, съехавшиеся на ассамблею со всех концов света, тоже настоящие хозяева города. Но, хотя их родители и остались дома, никто из детей и не думает ходить на головах, глотать табачный дым или превращать себя в ходячие холодильники. И тем не менее все они счастливы. Потому что все они что-то умеют: или рисовать, или сочинять музыку, или играть на музыкальных инструментах, или сочинять стихи. А когда ты что-то умеешь, когда у тебя есть любимое дело, тебе не очень хочется баловаться.

Ты уже, наверное, поняла, что на ассамблею съехались самые молодые в мире художники, композиторы, музыканты и писатели. Только что здесь открылась большая выставка детских рисунков, на которой мне не попалось ни одного рисунка, сделанного на обоях. Дети всего мира рисуют на бумаге и на холсте. И ничуть не смущаются, когда на их портретах уши сползают к подбородку, глаза залезают на нос, а на руках явный излишек пальцев. А ты, дочка, рыдаешь при малейшей творческой неудаче. Лично мне очень нравится мой портрет, который ты нарисовала в большой комнате над диваном. И что из того, что ноги у меня растут непосредственно из головы, а руки приделаны к ногам. Взрослые, в том числе здесь, на ассамблее, ищут в детских рисунках (некоторые из них высылаю тебе) не мастерство, а искренность, непосредственность ребенка. Чего-чего, а этого добра у тебя хватает...

Впрочем, есть на ассамблее и дети, блиставшие мастерством. Например, юный композитор из нашей страны Тимур Сергеевич. Выйдя на сцену во время концерта, он объявил: «Я вам покажу три своих настроения!» И показал. И пластилин ему для этого не понадобился. Хотя одно из настроений, исполненных на фортепиано, оказалось грустным.

На ассамблею приехало много юных поэтов и прозаиков. Их стихи и рассказы тронули меня своей добротой. Хорошо, что и ты жалеешь в своих сказках Бабу Ягу, но вспомни, какой стишок ты сочинила про соседскую кошку Анфису: «Ты зачем пришла к нам, киска, препротивная Анфиска?» Сравни свой стишок со стишком, который прислала в Софию Таня Миронова:

Жил-был комячок.

Он был толстячок.

Конечно, Анфиса не подарок, но все-таки поучись у Тани доброте.

На этом обнимаю.

Твой папа.

### Письмо второе

Здравствуй, Анечка!

Как жаль, что тебя нет со мной. Одного меня не пускают в сказочный трамвай. На стенах этого трамвая изображены герои детских сказок, обилечивают пассажиров две Красные Шапочки. Говорят, и билеты какие-то сказочные, но точно не знаю, так как взрослые могут попасть в трамвай только в сопровождении детей, которые тут нарасхват.

Зато мне удалось попасть на веселый детский карнавал. Устроили его в огромном парке софийского Дворца пионеров. На аллеях парка мне повстречались Белоснежка и семь гномов, доктор Айболит, Алладин со своей волшебной лампой, мушкетеры, пираты и даже космическая ракета. Она с трудом передвигалась на тоненьких девчоночьих ножках, все время спотыкалась, хотя ее сопровождал галантный поводырь. Когда началось карнавальное шествие, девочка, сидевшая в ракете, не выдержала и вылезла из нее. Ее никто не осудил, так как все подумали, что космонавт вышел в космическое пространство.

В начале карнавала две ведьмы попытались испортить всем настроение и даже с помощью колдовства устраивали дымовые завесы, чтобы дети разных стран не смогли найти друг друга и подружиться. Но их быстренько прогнали, дети всех национальностей переменялись и принимались обмениваться автографами. Каждый старался целиком заполнить автографами длинные

козырьки ярко-желтых кепочек, которые раздали всем участникам ассамблеи. Затем дети разбрелись по парку, где их ожидали аттракционы, игры, танцы, цирковая программа, кукольное представление. А самый большой интерес вызвало шахматное сражение. Ты, Анюта, уже знаешь, что такое шахматы. Это те маленькие фигурки, которым ты пообломала головы. На карнавале роль шахматных фигур исполняли дети, выстроившиеся на огромной шахматной доске, с обеих сторон которой были установлены высокие башни. На башнях находились юные шахматисты — между ними-то и развернулось сражение. Они называли ходы, и вскоре многие из фигур начали, хватаясь за сердце, падать, и специальные санитары уносили их на носилках. Правда, выяснилось, что сраженным фигурам повезло куда больше, чем тем, которые остались на доске, так как в середине партии над Дворцом пионеров закружил вертолет и вниз полетели перевязанные ленточками бумажные трубочки с текстом песни, посвященной ассамблее. Все бросились подбирать их, и только шахматные фигуры, не выбывшие из игры, вынуждены были остаться на своих местах.

Не подумай, что участники ассамблеи только веселятся. Нет. Они здесь еще и заседают в парламенте, как взрослые. Накануне карнавала дети пришли в Народное Собрание Болгарии и приняли письмо-обращение к детям всего мира, ко всему человечеству. В обращении, в частности, говорится о призывном звоне колоколов, присланных на праздник из разных уголков мира. Эти колокола установили на тридцатидвухметровом монументе «Знамя мира», воздвигнутом на окраине Софии в честь детской ассамблеи. Дети зазвонят в них 25 августа, и весь мир услышит этот колокольный перезвон. Позвони и ты, Анюта, своим валдайским колокольчиком — пусть его голос сольется с колоколами всемирного детского праздника. Только звони не больше часа, а то у мамы заболит голова.

Целую.

Твой отец,

### Письмо третье

Аня, здравствуй!

Один из писателей, присутствовавших на ассамблее, пожелал начинающим творцам получать удовольствие от работы над своим произведением. Это относится и к тебе. Подумай хорошенько, получаешь ли ты удовольствие, когда рисуешь гвоздем на серванте. Думаю, что нет. Кстати, и здесь я встретил детей, которые не любят рисовать на бумаге. Но они как-то выхо-

дят из этого положения: рисуют на мостовых Софии, а на черноморском побережье соревнуются в создании фигур из песка.

Праздник заканчивается. Дети доказали, что их искусство самое искреннее. Первый секретарь ЦК БКП и Председатель Государственного совета НРБ товарищ Тодор Живков пригласил всех участников ассамблеи к себе в резиденцию «Бояна». Он был гостеприимным хозяином, танцевал вместе с детьми, угощал их вкусными кушаньями, не отказывался давать автографы и был очень доволен тем, что его гости вели себя в официальной резиденции так неофициально и непринужденно, пиршествовали, сидя прямо на мраморных ступеньках и на коврах.

А когда пришло время расходиться, дети всех континентов стали обниматься и немножечко грустить. Это была их последняя встреча, и грустили они оттого, что полюбили друг друга, подружились друг с другом и понимали, что могут больше никогда не встретиться: детские встречи, очевидно, станут традицией, но на них поедут уже другие... И эта грусть было самое красивое, что когда-либо довелось мне видеть.

Мне жаль, что тебя не было в Софии, что ты не смогла познакомиться с детьми разных стран и не познала грусть расставания с друзьями. Хотя я привезу тебе костюм участника этого праздника творчества детей, надев который ты в какой-то степени сможешь почувствовать себя творческой личностью. И, может быть, перестанешь рисовать на обоях.

До встречи.

Твой родитель.

## ПРОЗРЕНИЕ

Один молодой человек, а именно Коля Деньков, в душе лирик, пристрастился к чтению стихов. Совершенно неожиданно для себя и для жены Люды. До сих пор он приносил из библиотеки захватывающую прозу о буднях уголовного розыска, и вдруг на тебе — Люда извлекла из его портфеля какую-то тидеушную книжонку с инертным названием «Талый снег». В книжонке никто никого не убивал, ее автор, наоборот, проповедовал любовь к ближнему, а вернее, к ближней. Причем ближняя его оказалась удивительно многоликой. В одном стихике поэт воспевал ее черные волосы, в другом почему-то каштановые, а в третьем — светло-русые. «Красится она у него, что ли?» — поду-

мала Люда. Но при дальнейшем чтении Людмила, к своему удивлению, обнаружила, что предмет любви автора — настоящий хамелеон. Форма бровей, линия подбородка, разрез глаз и стан у этого предмета все время меняются.

«Да тут их несколько предметов», — догадалась Людмила. И произвела подсчет — как минимум пяток любимых на тоненькую книжку. Небольшой гарем.

Людмила глянула на портрет автора и смутилась. У автора были чувственные ноздри и жадные губы, готовые исцеловать всех и каждого, а вернее, всех и каждую. Губы были нацелены прямо на нее, и она поспешно закрыла книжку.

А Коля и не подозревал, что он в душе лирик. Три года посещал он районную библиотеку, и ни разу его не потянуло на стихи. И сейчас не потянуло бы, если бы не библиотекарь Марина.

— Ограниченный вы человек, Николай Деньков! — полистав его формуляр, заключила она. — Можно подумать, что вся ваша жизнь протекает в разрезе уголовного кодекса. А между прочим, в мире существует кое-что и не караемое законом. Любовь, например.

— Про любовь мне все известно! Я женат.

— Вам известна ваша любовь. А вы поинтересуйтесь, как любят другие. Может, пригодится.

И Марина навязала ему эту книжонку. Коля мог и отвергнуться, но его заинтересовал портрет автора. «Пылкий юноша, прямо-таки любовник-профессионал. Полистаю в трамвае для смеха», — решил он.

Двадцать трамвайных минут перевернули Колу. Он привык читать о женщинах-мошенницах, которые скрываются от следствия с чужими паспортами. Даже жене он задавал вопросы, как подследственной:

— Люд, а ты могла бы украсть или подделать паспорт?

На что Людмила отвечала уклончиво:

— Что будешь на гарнир — гречку или вермишель?

Теперь, после знакомства с поэтическим сборником, Коля начал задавать жене совсем другие вопросы.

— Люд, я давно хотел спросить тебя, зачем ты так старательно упаковываешь себя? — выпалил он однажды. — Ведь взгляду не на чем остановиться. Все-таки ты женщина, а не бандероль.

— А на чем бы хотел остановиться твой взгляд? — вспыхнула Людмила, с которой Николай еще никогда не заговаривал на подобные темы.

— Видишь ли, женщина определяет сознание мужчины, — философски изрек Коля. — Вот смотрю я на тебя, и в моем со-

знании не возникает ничего такого, что трогает нас в любовной лирике. А возникают только судебные протоколы, очные ставки и камеры предварительного заключения. У меня такое ощущение, словно я сам из этой камеры.

— Что же теперь будет? — спросила Людмила, не зная, радоваться ей или огорчаться Колиному прозрению.

— Экономия материала будет, — сказал Коля. — Из отреза, который ты недавно купила себе на платье, можно еще и сорочку для меня выкроить. Не надо стыдиться подавать себя. Причем разнообразно подавать. Менять туалеты, прическу, выражение лица. Где твои женские чары, женское кокетство? Почему бы тебе про тот же гарнир не спросить озорно, кокетливо, многообещающе? Чтобы у меня кровь в жилах заиграла! Чтобы меня на стихи повело или на какое-нибудь другое безумство! А ты так гундосишь, что не только на гарнир, а и на свиную отбивную не тянет. Тем более на стихосложение. Как я завидую автору этого поэтического сборника! Его жена умеет быть разной...

— Если у этого поэта есть жена, она сама несчастная женщина в мире, — сказала Людмила. — Не она разная, а любовницы разные. Хочешь, я напишу автору книжки, выясню у него, одной женщине посвящены стихи или нескольким.

— Сделай милость, напиши! — согласился Коля. — Хотя тебе правильнее было бы черкнуть его жене. Перенять у нее кое-какой опыт.

Разумеется, жене Людмила писать не стала. Обратилась к самому поэту. Слова выбирала посуше, чтобы он не подумал ничего такого. Кто их, поэтов, знает, может, у них на уме одни шалости?..

«Товарищ поэт! — написала она. — Ознакомилась с вашим сборником стихов «Талый снег». Меня, как трудящуюся женщину, интересует, работает ли ваша жена и если работает, то как она успевает менять свою внешность до неузнаваемости. Если же стихи посвящены не жене, прошу сообщить, сколько женских прототипов легло в основу книги. Данная информация очень пригодилась бы мне в семейной практике».

Поэт сразу же откликнулся. Письмо его было выдержано в том же стиле деловых бумаг.

«Товарищ Люда! С большим удовлетворением ознакомился с вашим письмом. Оно подтверждает, что мое творчество находит отклик в душе читателей, — говорилось в нем. — Сообщаю: жены никогда не имел. По вопросу учета прототипов более подробную информацию мог бы дать после читательской конференции, которая состоится в парке культуры в ближайшую субботу. Начало в 12.00».

Прочитав послание поэта, Людмила поспешно скомкала его и сунула в мусорное ведро.

«Не хватало еще стать одним из его прототипов! — мелькнуло у нее. — А вернее, сказать, прототипих. Хотела бы я знать, о чем он собирается подробно проинформировать меня».

Тайком от Коли она извлекла письмо из мусорного ведра и, стряхнув с него картофельные очистки, спрятала в сумочку.

«В конце концов у меня одна цель: доказать Николаю, что у поэта несколько возлюбленных, — убеждала себя Людмила. — А для безопасности прихвачу зонтик. Зонтик — неплохое оружие против нахалов».

В субботу Людмила вдруг заторопилась в ателье на примерку. Платье с вырезом она заказала после того памятного разговора с Колей, когда он сравнил ее с бандеролью. Все примерки уже были позади, торопилась Людмила в парк культуры, но сказать об этом Николаю у нее не хватило духа. Конечно, на свидание с поэтом ее толкнула забота о благе семьи. Но тем не менее, свидание оставалось свиданием.

— Зонтик-то для чего? — удивился Коля. — Вроде дождей не обещали.

— Для примерки, — зарумянилась Людмила. — Проверю, как он сошлется с новым платьем.

...Поэты выходили на летнюю эстраду и нараспев читали свои стихи. Людмила еще никогда не слушала столько стихов в исполнении авторов, и от непривычки ее укачало, как во время морской прогулки. Возможно, из-за легкого головокружения Людмила и пропустила выход на эстраду автора библиотечного сборника, который она, кстати, прихватила с собой и время от времени поглядывала на фотографию поэта. Но автора сборника на сцене она так и не увидела. Если не считать одного лысенького старичка, губы которого чем-то напоминали губы на фотографии.

После конференции Людмила пробралась к эстраде и предъявила ведущему фотографию любвеобильного поэта.

— Нет ли здесь автора этой книжки? — поинтересовалась она.

— Гоша! Это к тебе! — окликнул кого-то ведущий, и к Людмиле подошел тот самый лысенький старичок.

— Вы, очевидно, Людмила? — мягко заулыбался старичок и предъявил Людмиле ее письмо.

— Людмила...

При ближайшем рассмотрении старичок оказался очень похож на поэта в книжке.

— Не сомневайтесь, я и есть автор этого сборника, — заявил старичок.

— Но... вы были моложе, когда я вам писала, — заявила Людмила.

— На фотографии мне восемнадцать, — пояснил старичок. — А на любовную лирику потянуло уже в пенсионном возрасте. До этого в основном разрабатывал производственную тематику. И вдруг потянуло. Сами видите: мой нынешний облик, — и он погладил лысину, — со стихами о любви не очень-то гармонирует. Пришлось дать юношеское фото.

— Простите за бестактность, а как же насчет прототипов? — потупившись, спросила Людмила.

— Были и прототипы, но давно, — вздохнул поэт. — Можно сказать, тысячу лет назад. Моя лирика носит мемуарный характер. Она — грусть по ушедшей молодости.

Потом они гуляли по аллеям парка, поэт излагал свою автобиографию, а Людмила размышляла: «Какая же это сильная вещь — поэзия! Еще месяц назад я была яркой противницей декораций, и вот стихи какого-то старичка, которому, видите ли, взгрустнулось, перевернули мою жизнь, правда, не без помощи Николая, и я уже шью себе — кто бы мог подумать! — открытое платье».

Откуда-то набежали тучки, и пошел дождь. Людмила подивилась своей предусмотрительности и раскрыла зонтик.

## СОДЕРЖАНИЕ

Когда отцветают розы . . . . .	3
Утиная ножка и хрустальный бокал . . . . .	6
Ухо на фотографии . . . . .	9
Развенчание . . . . .	11
Шутки гражданина Куделина . . . . .	14
Спорные кресла . . . . .	16
Тайная одушина . . . . .	18
Липовый муж . . . . .	21
Товарный вид . . . . .	24
Стопроцентный охват . . . . .	26
Божественная трагедия . . . . .	28
Вкусные запахи . . . . .	31
Распредложение . . . . .	32
Первая пленка . . . . .	35
Эстафета . . . . .	36
На чем рисуют дети . . . . .	39
Прозрение . . . . .	43

ЭДУАРД ИВАНОВИЧ ПОЛЯНСКИЙ

### УХО НА ФОТОГРАФИИ

Редактор А. Б. Голуб.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

---

Сдано в набор 13.09.79 г. Подписано к печати 04.01.80 г.  
 А 06503. Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 2.  
 Гарнитура «Школьная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10.  
 Учетно-изд. л. 2,74. Тираж 75 000. Изд. № 3025.  
 Заказ № 1247. Цена 20 коп.

---

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции  
 типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.  
 Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.